

ДАРИТЬ РАДОСТЬ

Алексей ГРИБОВ,

народный артист СССР, Герой Социалистического Труда

БЫЛА у нас, во МХАТе, такая, на мой взгляд, прекрасная традиция — каждый молодой актер, начинающий свой творческий путь в театре, играл одну из ролей в знаменитом спектакле «Синяя птица» Метерлинка. Как известно, эта пьеса бельгийского драматурга рассказывает об удивительной птице-счастье, найти которую непросто и дано это далеко не каждому. Я тоже начал когда-то свои выступления на прославленной сцене в этой постановке и за несколько десятилетий переиграл множество ролей, пытаюсь, как и многие другие, поймать свою, актерскую птицу Счастья.

Сегодня, окидывая взглядом весь свой путь в жизни и в искусстве, я невольно, несмотря на многие испытания и трудности, ощущаю себя, пожалуй, самым счастливым человеком. Действительно, свидетелем и участником каких величайших исторических событий я был! Каких встречал прекрасных людей, выдвинутых временем, революцией, социалистической эпохой, жил с ними бок о бок, учился у них мудрости понимания жизни, искусству, служению своему народу. Оглядываясь на минувшие годы и вспоминаю, как однажды Алексей Максимович Горький сказал, что он тоже — «действительно счастливый человек — человек, в жизни которого осуществились лучшие его мечтания, лучшие его надежды». Ибо вот так, лично, понял он «величайшее значение труда, — труда, образующего все ценнейшее, все прекрасное, все великое в этом мире».

Нет, не за горами-долами, синими морями жила наша птица Счастья, не просто удачливым давалась она в руки, никому не слетала она сама невесть откуда на плечо. Была она здесь, рядом. Да только за семью печатями прятали ее от народа. Пока Октябрьская революция не сорвала их, не потрясла основы старого мира, не раскрепостила труд, сделав его вольным и радостным. Именно освобожденный труд, великое чудо, смог возвысить каждого человека. Всякий труд, полезный людям, делает нас счастливыми, а жизнь — наполненной высоким смыслом и предназначением.

...ПОМНЮ, за год до Великого Октября, отца моего, слесаря одного из московских заводов, призвали в армию. И я пошел работать, хотя было мне в то время только четырнадцать лет. Начинать я на шелкоткацкой фабрике товарищества «Г. Симоно и К^о». Непосильный, безрадостный труд, недоедание, бедность — многое из того времени запомнилось надолго.

Но вот наступил Октябрь. И уже в первые годы Советской власти я, как и тысячи других подростков, смог ощутить на себе ее результаты. Что особенно важно — мы получили возможность учиться, перед нами открывался новый мир. Я учился в одной из вечерних школ рабочей молодежи, куда мы приходили после трудового дня. Эта школа дорога мне не только тем, что я смог получить образование, но и тем, что там впервые обратили внимание на мои способности. В драматическом кружке, организованном при школе, во мне зародилось высокое уважение, а затем и страстная любовь к великому искусству театра. Позже я занимался в различных театральных студиях и школах, пока не пришел в 3-ю студию МХТ, которой руководил Е. Б. Вахтангов. К сожалению, я его уже не застал. Два года я занимался в студии, пока меня и других студийцев не пригласил один из корифеев театра — В. И. Немирович-Данченко. Это событие и определило мою дальнейшую судьбу. Я оставил работу на шелкоткацкой фабрике и все свое время стал отдавать искусству.

И вот, начиная с 1924 года и по сегодняшний день, я актер МХАТа. Это были годы неустанный труда. И главное, бесконечный процесс открытия себя, воспитания личности. По себе знаю, как рос наш зритель, как повышались его требования к нам, актерам. Ведь известно, что чудо искусства театра возникает из творчества актера и зрителей. Наш сегодняшний зритель поистине необыкновенный, он активный строитель новой жизни, участник событий, небывалых по размаху, по насыщенности. Он, наш зритель, необычный и прекрасный партнер по искусству. Недаром все крупнейшие зарубежные актеры, приезжающие к нам на гастроли, в один голос говорят, что самый чуткий, самый удивительный зритель в мире — наш, советский. И, уверяю вас, это сказано не для красного словца, не в качестве данью нашему гостеприимству. Знаю по себе, что наш зритель требует неустанный совершенства от актера, он доброжелателен, готов к сотворчеству, но и взыскателен, обладает тонким пониманием искусства, не прощает неглубокого, поверхностного проникновения в образ. И советский актер должен быть сам на уровне времени, должен быть настоящей личностью, партийным и страстным ху-

дожником, иначе его и не слышно будет со сцены. И не сумеет он зажечь «глаголом» сердце зрителя.

Всегда ли удается такое сотворчество? Дело это невероятной трудности, порою требующее от актера бессонных ночей, по-настоящему трудового дня, в котором почти не остается ни минуты покоя, — так бесконечна работа мысли, воображения, средоточия всех физических и нравственных сил. Только тогда приходит успех, дается в руки птица нашего актерского Счастья. Мы, актеры, учившиеся у В. И. Немировича-Данченко, помним его завет:

«...Революция освободила творчество, она расширила его идейное содержание, она глубоко политически осмыслила дело театра, она поставила смелые, огромные общественные и тесно с ними связанные художественные задачи, она связала художников со всей жизнью социалистической страны, и это для нас самое большое, значительное и решающее событие в нашей жизни».

ДА, ВРЕМЯ выдвинуло перед советским театром, перед каждым художником сцены задачи небывалой сложности. Но тем значительнее наше актерское счастье, когда чувствуешь, что сумел затронуть струны души зрителя. Конечно, актеру трудно судить: удался или не удался образ, его ощущения, как правило, субъективны, глубоко личны. И все же рискну сказать, что мы получаем удовлетворение от своего труда только тогда, когда слышим, ощущаем, чувствуем горячее дыхание зрительного зала.

За свою жизнь я сыграл немало разных ролей, прожил на сцене немало разных человеческих судеб. Здесь была и русская, и советская классика, и современные пьесы, и зарубежная драматургия. От многих из этих ролей остались яркие, незабываемые впечатления. Были и менее удачные работы. Что ж, все это естественно. Искусство — всегда поиск...

Я, например, с чувством гордости вспоминаю маленькую, эпизодическую роль мужика «с моста» в «Бронепоезде 14-69» Всеволода Иванова. В спектакле, художественным руководителем которого был К. С. Станиславский, играли такие замечательные мхатовские актеры, как В. Качалов, Н. Хмелев, Н. Баталов и другие. Это было настоящее событие в нашей жизни, оно заставило театр поверить в нового героя, породило стремление создавать на сцене живые, яркие, поистине народные характеры. Я бы назвал «Бронепоезд 14-69» революционным спектаклем, с которым МХАТ вступил в новую жизнь.

Незабываемы и встречи с горьковскими образами в пьесах «Враги», «Достигаев и другие», «На дне». Некоторые из их прототипов были мне хорошо знакомы. Например, старого рабочего Левшина во «Врагах» я играл с большим удовольствием — ведь Горький «взял» его, можно сказать, из самой гущи жизни. Я сам не раз встречал таких людей на фабрике, где работал почти восемь лет. Надолго запомнился мне и компаньон хозяина фабрики, черты характера которого я внес в свое прочтение образа Василия Достигаева.

Вершиной моей творческой жизни была работа над образом В. И. Ленина в спектакле «Кремлевские куранты» Н. Погодина. Огромную помощь оказал мне В. И. Немирович-Данченко.

Прежде чем приступить к этой работе, я много читал, говорил с людьми, хорошо знавшими Владимира Ильича. Мне хотелось создать такой образ, который был бы пронизан необыкновенной добротой и любовью к жизни, неколебимой верой в будущее. Надо было передать огненность ленинской мысли.

В начале нашей работы Немирович-Данченко говорил мне: «Да, Ленин — необъятная фигура! Это огромное явление. Весь образ сыграть нельзя, как нельзя объять необъятное. Мы можем только приблизиться к образу и раскрыть не все, но хотя небольшую часть граней этого гениального человека...».

Мне трудно судить об этой работе. Но все же я всегда ощущал, как всякий раз взволнованно и горячо принимали зрители спектакль. Помню и премьеру в 1942 году, в зале были бойцы, уходившие завтра на фронт. И многие из них словно получали заряд дополнительных сил.

НАВЕРНОЕ, в этом есть глубокий символический смысл, есть своя логика, что мне, бывшему рабочему пареньку, революция, страна моя, народ мой дали подлинное счастье служить своим искусством утверждению в жизни самых лучших идей и самой высокой мечты человечества.

Говорят, художник «играет» сердцем, раздаривает, отдает себя по частицам зрителям. Но душа его от этого не скудеет. Наоборот — становится богаче. Ведь счастье нашего труда прежде всего в том, чтобы дарить радость другим.